

меня в рыцари.

– Хорошо, а какого вы роду и племени?

– Скажите Морхульту, – молвит в ответ Тристан, – что сколь бы ни был знатен его собственный род, ему далеко до моего. Ибо если даже в его жилах течет королевская кровь, то я – сын короля. Мелиадук, король Лоонуа, был моим отцом, а король Марк, сидящий перед вами, мой дядя; меня зовут Тристаном. И пусть ваш господин знает, что, если ему хочется мира, он его получит, а если нет, пусть готовится к битве.

И тогда они ответили, что передадут его вызов.

И вот покинули они дворец короля Марка, и отправились к Морхульту, и сообщили ему эту новость.

– А где должна состояться битва? – спрашивает Морхульт.

– Клянемся честью, – отвечают они, – он не сказал нам об этом.

– Тогда возвращайтесь к королю и спросите его, где ей быть.

– Охотно, сир, – отвечают они.

И король им говорит:

– Неподалеку отсюда, на острове Святого Самсона. Пусть каждый сядет в свою ладью и сам добирается до острова. Ведь у них не будет провожатых...

И всю ночь молились жители Корнуэльса, чтобы смиловался господь над Тристаном и послан ему храбрости и мужества избавить королевство от долгого рабства, в котором оно пребывало с давних пор. А Тристан бодрствовал во храме Богородицы. И лишь перед самым рассветом прилег, чтобы набраться сил перед схваткой с Морхультом. И, поднявшись, облекся в доспехи и отстоял заутреню, а потом вернулся во дворец.

И король Марк подошел к нему и сказал:

– Тристан, милый мой племянник, цвет и украшение юношества, отчего же так долго таился ты от меня? Будь мне известно, кто ты такой, не дал бы я тебе позволения на эту битву; уж лучше бы Корнуэльс навсегда остался в рабстве! Если ты погибнешь, вовеки не будет мне радости, и всем нам станет еще хуже, чем было прежде.

– Не бойтесь, государь, – отвечает Тристан, – а молитесь богу о помощи, и он услышит нас, ибо правда на нашей стороне.

– Милый мой племянник, – говорит король, – будем надеяться, что внемлет господь нашим молитвам и избавит Корнуэльс от великой напасти.

И в то время, как они говорили, дошла до них весть, что Морхульт уже на острове и готов вступить в схватку. Тогда Тристан попросил, чтобы подали ему шлем; сам король затянул на нем ремни. Вооружившись, Тристан вскочил в седло, подъехал к своей ладье, сел в нее и поплыл к острову. И, выйдя на берег вместе с конем, отпустил ее на волю волн, и она скрылась из виду.

Морхульт спросил у него, зачем он это сделал.

– Затем, – говорит Тристан, – что, если буду я убит, ты положишь мое тело в свою ладью и отвезешь туда, откуда мы приехали.

– Не хочу я твоей смерти, – отвечает Морхульт, – ибо сужу по твоим словам, сколь ты разумен. Почему бы не отказаться тебе от этой схватки, не оставить затею, на которую ты решился только по молодости лет и горячности? Я возьму тебя к себе, и мы станем друзьями.

Но Тристан молвит:

– Избавь жителей Корнуэльса от тех поборов, что ты с них требуешь, и я охотно откажусь от схватки, а иначе не могу с тобой помириться.

– Раз так, – говорит Морхульт, – я вызываю тебя на битву.

– Я готов, – отвечает Тристан, – ведь ради этого я сюда и приехал.

Битва с Морхультом

Тут пустили они своих коней вскачь и столь яростно скрестили копыта, что те согнулись у них в руках. И знайте, что не миновать бы смерти ни тому, ни другому, если бы не разлетелись вдребезги наконечники их копий. А сами они сшиблись грудь в грудь с такой силой, что рухнули наземь, и не отличить бы им было в ту пору день от ночи. И, поднявшись, оба увидели, что тяжело ранены.

Тристан был поражен отравленным копьём Морхультя, а Морхульт – чистым копьём Три-